

и более поздних эпох есть нечто общее – их сущностный, затаившийся смысл... Стоит себе такой чёрный кубик, пока вдруг случайная игра света вдруг не откроет его загадочное великолепие, либо неистовый смысловой вихрь, выбросит из наезженной колеи привычных представлений и раскроет мир совсем с другой стороны...

ЛИТЕРАТУРА

1. Красноглазов А.Б. Функционирование артефакта в культурно-семантическом пространстве. Эл. ресурс: <http://www.dissercat.com/content/funktsionirovanie-arte-fakta-v-kulturno-semanticheskom-prostranstve#ixzz2Je7RTL3e>
2. Дики Д. Определяя искусство // Американская философия искусства. – 1997, с. 243–252.
3. Итон М. Искусство и неискусство // Американская философия искусства. – Екатеринбург, 1997. – с.271-288.
4. Бычков В.В. Эстетика. – М., 2004. – С.492-493 (Артефакт).
5. Бинкли Т. Против эстетики // Американская философия искусства. – 1997, с.289-317.
6. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. – М., 1989.
7. Платон. Федон. Пир. Федр. – С.-Пб., 1997.

УДК 811.161.1:81`373

*Гребинник Л.В.
(Киев, Украина)*

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗА СТРАНЫ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

У статті розглянуто перспективи порівняльного дослідження мовних образів Німеччини й Росії у російській і німецькій мовах, порушується питання про можливість застосування на мовознавчій площині імагологічного підходу – нового міждисциплінарного напрямку в гуманітарних науках.

Ключові слова: імагологія, мовний образ, етностереотип, взаємосприйняття, Росія, Німеччина.

В статье рассмотрены перспективы сопоставительного исследования языковых образов Германии и России в русском и немецком языках, затронут вопрос о возможности применения в языковедческой плоскости имагологического подхода – нового междисциплинарного направления в гуманитарных науках.

Ключевые слова: имагология, языковой образ, этностереотип, взаимовосприятие, Россия, Германия.

The article is dedicated to the comparative study of Germany and Russia linguistic images in the Russian and German languages. The possibility of using the imagologic approach in linguistics as a new interdisciplinary direction in the humanities is touched upon.

Key words: *imagology, linguistic image, ethnic stereotype, mutual perception, Russia, Germany.*

Глобализационные процессы последних десятилетий стимулируют интерес учёных-гуманитариев к проблемам межнационального взаимовосприятия. Законы создания, функционирования и интерпретации представлений об инородных для воспринимающего объектах становятся предметом исследования в истории, социологии, культурологии, литературоведении [1; 2; 3; 4]. Именно в рамках данных дисциплин и сформировалось междисциплинарное исследовательское направление, занимающееся изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т.д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны – имагология.

Идентификация других по принципу совместного исторического и современного взаимодействия является важнейшим объектом имагологии. Зародившись во французском сравнительно-историческом литературоведении во второй половине прошлого века как изучение проблем рецепции образа «другого», имагологическая тематика расширила круг изучаемых вопросов: от переосмысления понятий «нация», «национальная идентичность» до выявления когнитивных механизмов формирования имиджа [5]. За более чем столетие сформировался и определённый методологический инструментарий данного исследовательского направления в различных гуманитарных науках. Вопрос о возможности и целесообразности применения имагологического подхода в языковедческих исследованиях остаётся открытым и актуальным.

С имагологической тематикой соприкасаются этнолингвистические и лингвокультурологические исследования этностереотипов. Л.П. Крысин в своих работах чётко определяет границы лингвистического аспекта проблемы [6]. Близки к имагологическому направлению и когнитивные исследования биполярной оппозиции «свой – чужой», также находящиеся на пути своего становления в гуманитарном знании [7]. Изучением имиджа как центральной категории занимается также и новое направление в языкознании лингвоимиджелогия. В центре исследовательского внимания данного направления являются средства, механизмы, специфика речевого воздействия на адресата в процессе формирования имиджа. Имидж рассматривается как многоплановая категория, включающая в себя стереотип, эмоциональную оценку, экспрессивность [8].

Учитывая неупорядоченность терминологического аппарата и понятийной базы имагологического направления в языкознании, обусловленного, в первую очередь, тем, что данное направление находится на стадии становления, в настоящей статье предлагается авторское видение исследовательских перспектив в рамках лингвоимагологии в сопоставительном аспекте, а также демонстрируется фрагмент сопоставительного исследования языковых образов России и Германии.

Как справедливо отмечает В.В. Орехов, «<...> представления о других народах (или о своём собственном народе) составляют одну из важнейших сфер духовного

существования этноса. У каждой нации эти представления оригинальны <...>, а любой межнациональный контакт вызывает столкновение и взаимодействие этих представлений. Происходит международный обмен имагологической информацией <...>» [4: 10]. Если компетенции литературоведческой имагологии принадлежит интерпретация и реконструкция образа страны в инонациональной рецепции, поиск причинно-следственной обусловленности данного образа с применением сугубо литературоведческой методологии (межкультурный диалог, читательское восприятие и т.п.), то языковедческий подход нуждается в своём методологическом инструментарии.

Необходимо чётко ограничить лингвистический ракурс имагологического направления: к компетенции языковедов заведомо не относится объяснение историко-культурного фона формирования определённого образа страны и установление соответствия или несоответствия данного образа реальному положению вещей. Для языковеда образ того или иного явления определяется «<...> не онтологическим знанием его смысла, но знанием конкретных языковых выражений, в которых он фигурирует в нашем языковом опыте» [9: 256]. Вслед за Б.М. Гаспаровым мы рассматриваем языковой образ как «<...> перцептивную реакцию не на предметы или понятия как таковые, но на их языковое воплощение – на те выражения, которые наличествуют в языковом опыте говорящего субъекта» [9: 255].

Важной составляющей языкового образа страны является аксиологический вектор: установление того, какие компоненты языкового образа страны становятся объектом оценки и какие языковые средства для этого применяются, даёт возможность проанализировать языковую структуру данного образа. Набор таких характеристик можно выделить индуктивным путём, исходя из языкового материала. Поскольку ключевым понятием имагологии считается взаимовосприятие, целесообразно, на наш взгляд, осуществляя то или иное исследование в имагологическом аспекте, обращаться к сопоставительному анализу указанных явлений в двух и более языках.

Необходимо сказать несколько слов о выборе материала для исследования. Руководствуясь принципами объективности и репрезентативности, мы остановили свой выбор на публицистике. В силу того, что основной сегмент читательской аудитории не принимает непосредственного участия во внутренних и внешних общественно-политических процессах, его представление о той или иной стране создаётся под влиянием опосредованной информации, получаемой по каналам СМИ. Именно на страницах печатных изданий находит своё отражение актуальная экстралингвистическая ситуация, а жёсткость жанровых ограничений способствует, с одной стороны, сознательному отбору фактов для сообщения, а с другой – минимизации авторского Я в пользу информационного воздействия.

Принцип репрезентативности реализуется в достаточно большом объёме привлекаемого материала. Путём компьютерной выборки из газет «Известия» [10] и «Die Zeit» [11] извлекались микроконтексты, содержащие лексемы *Германия* в русскоязычном издании и *Russland* в немецкоязычном. За период с 2007 по 2012 год обнаружено свыше 6 тыс. таких словоупотреблений в указанных изданиях. Для сопоставительного анализа нами была отобрана часть микроконтекстов (около 200 для каждого языка), представляющая для нас интерес именно с позиций имагологии. В таких контекстах либо реализуется понятие языкового образа либо содержится оценка.

Достаточно широко как в русских, так и в немецких микроконтекстах представлена историческая составляющая языкового образа страны. Данный компонент реализуется преимущественно атрибутивными сочетаниями. Так, **Германия** в русскоязычных микроконтекстах получает определение **гитлеровская** (12 словоупотреблений): *По сути, у нас хотяя украсть победу над гитлеровской Германией!* [Известия, 2008.09.09]; **нацистская** (11 словоупотреблений): *Судить Советский Союз по аналогии с нацистской Германией тоже нельзя – ведь Нюрнберский трибунал признал вину именно нацистов.* [Известия, 2009.11.19]; **фашистская** (8 словоупотреблений): *История войны общая, а вот победу Советской армии над фашистской Германией в некоторых странах сейчас пытаются поделить.* [Известия, 2010.07.02]; **побеждённая** (2 словоупотребления): *В побежденной в 1945-м Германии сегодня на душу населения в среднем приходится более 40 кв. м жилья.* [Известия, 2007.05.24]; **послевоенная** (одно словоупотребление): *Создается впечатление, что администрация Клинтона и вовсе относилась к России как к послевоенной Германии или Японии – стране, которую можно силой заставить следовать воле США и которая со временем научится получать от этого удовольствие.* [Известия, 2007.11.15].

В немецкоязычных микроконтекстах **Россия/ Russland** определяется как **царская/ zaristisch** (23 словоупотребления): *Zürich war damals ein Zentrum der politischen Emigration, vor allem für Verfolgte aus dem zaristischen Russland.* [Die Zeit, 13.03.2009, Nr. 02]/ *Цюрих был в то время центром политической эмиграции, прежде всего для беженцев из царской России¹*; **старая/ alt** (13 словоупотреблений): *Die Geschichte beginnt im alten Russland, in den ersten Jahren unseres Jahrhunderts, mit dem bunten Figurengewirr und den vielen feierlichen Namen, die man aus klassischen russischen Romanen kennt.* [Die Zeit, 24.07.2008, Nr. 07]/ *История начинается в старой России, в первые годы нашего столетия, ярким переплетением образов и торжественными именами, известными из классических русских романов*; **большеви́стская/ bolschewistisch** (9 словоупотреблений): *Heute aber, da neben dem bolschewistischen Russland ein bolschewistisches China entstand, ist die Frage von weltentscheidender Bedeutung geworden.* [Die Zeit, 24.07.2008, Nr. 08]/ *Но сегодня, так как рядом с большеви́стской Россией возник большеви́стский Китай, вопрос приобрёл мировое значение*; **советская/ sowjetisch** (8 словоупотреблений): *Die im sowjetischen Russland erprobten Methoden der „Leistungssteigerung“ werden in die deutsche Ostzone importiert.* [Die Zeit, 01.01.2008, Nr. 44]/ *Испытанные в советской России методы «повышения продуктивности» импортируются в немецкую восточную зону*; **коммунистическая/ kommunistisch** (6 словоупотреблений): *Dem „Mann von der Straße“ fehlen die Informationen, um zwischen dem zaristischen und dem kommunistischen Russland streng zu scheiden.* [Die Zeit, 24.07.2008, Nr. 19]/ *«Человеку с улицы» не хватает информации, чтобы чётко различать между царской и коммунистической Россией*; **посткоммунистическая/ postkommunistisch, послереволюционная/ nachrevolutionär** (по 1 словоупотреблению): *Suprematismus – die gegenstandslose Welt oder das befreite Nichts, diese Schrift von 1922 war nicht die einzige programmatische Publikation, die im nachrevolutionären Russland die neue Kunst und den neuen Menschen forderte.* [Die Zeit, 01.04.2007, Nr. 14]/ *Супрематизм – необъективный мир или освобождённое Ничто, эта работа 1922 года была не единственной публикацией, призывающей в послереволюционной*

¹ Здесь и далее перевод с немецкого языка на русский наш (Л.Г.).

России к новому искусству и новому человеку; *сталинская/ stalinistisch* (2 словоупотребления): *Von diesem Leben in der Ausweglosigkeit erzählt Orlando Figes in seinem Buch über den Alltag im stalinistischen Russland. [Die Zeit, 16.08.2008, Nr. 34] / Об этой жизни в безысходности рассказывает Орландо Фигес в своей книге о буднях в сталинской России.*

Таким образом, при сопоставлении средств экспликации исторической составляющей языковых образов России и Германии обнаруживается, на наш взгляд, относительное сходство в способах взаимовосприятия в немецком и русском языках. Коррелирующими в этом отношении считаем атрибутивные сочетания *итлеровская Германия – сталинская Россия, нацистская, фашистская Германия – большевистская, коммунистическая, советская Россия*, так как в указанных сочетаниях чётко прослеживается общий идеологический компонент. Существенным отличием в экспликации исторической составляющей является отсутствие в русскоязычном образе Германии коррелята наиболее широко представленному немецкоязычному сочетанию *царская Россия*. И наличие, и отсутствие корреляции в средствах экспликации взаимовосприятия объясняется свойствами языковой памяти и языкового опыта. Те или иные феномены откладываются в языковой памяти в качестве языковых выражений, а механизмы формирования языкового опыта социума частично лежат в экстралингвистической плоскости и нуждаются в отдельном исследовании.

Языковому образу, согласно Б.М. Гаспарову, свойственна пластичность: «<...> исходное представление подвергается бесчисленным модификациям, адаптируясь к меняющимся условиям своего воплощения. Знакомый образ все время трансформируется, реагируя на движение языковой среды <...>» [9: 270]. Принимая во внимание такое свойство языкового образа, сопоставим представления о современных России и Германии и средства их экспликации в русскоязычных и немецкоязычных микроконтекстах. В языковых образах современных России и Германии можно выделить несколько составляющих. Наиболее широко представлена «политическая» составляющая, включающая представление о стране как о политической силе в мире с одной стороны (внешнеполитический ракурс) и представление о внутренней политике страны с другой. В русскоязычных контекстах указанный компонент реализован в основном в виде обобщающих слов при группе однородных членов. Германия представлена в ряду *ведущих стран Европы, ведущих государств, старых европейских, лидеров континентальной Европы, представителей «старой Европы», «тяжеловесов»*. Например: *Для лидеров континентальной Европы – Франции и Германии – это действительно исторический прорыв, который был достигнут во многом благодаря их многолетней линии внутри НАТО. [Известия, 2010.12.03]; Сейчас европейские чиновники хотят, чтобы ведущие государства – в первую очередь Германия и Франция – взяли на себя ответственность по спасению Греции. [Известия, 2010.03.23]; Она (кандидатура президента – Л.Г.) должна устраивать большинство европейских стран: скандинавов, славян и, наконец, “тяжеловесов” – Германию и Францию. [Известия, 2009.11.06]*

Аналогичные способы и средства экспликации языкового образа России находим и в немецких микроконтекстах: Россия представлена в ряду *Weltmächte/ мировые державы, Atommächte/ атомные державы, Supermächte/ сверхдержавы, Großmächte/ великие державы*. Например: *Es gibt überhaupt nur noch zwei Weltmächte, Amerika und Russland. [Die Zeit, 24.07.2008, Nr. 02] / Вообще есть только две мировые державы, Америка и Россия; Das Schlimme an dem Nichtverbreitungsvertrag ist, dass die fünf ursprünglichen Atommächte,*

also die USA, Russland, China, Frankreich und England ihren Teil des Vertrages nicht erfüllt haben. [Die Zeit, 21.04.2009, Nr. 51]/ Плохо в договоре неразглашения то, что пять первоначальных атомных держав, то есть США, Россия, Китай, Франция и Англия не выполнили свою часть договора; Staaten wie China, Indien und Russland werden zu Supermächten (nicht zu reden von der Hegemonie der USA). [Die Zeit, 18.01.2007, Nr. 04] Такие государства как Китай, Индия и Россия становятся сверхдержавами (не говоря уже о гегемонии США); Das heutige Russland hingegen wird als erneuerte Großmacht bis auf Weiteres versuchen, im Windschatten anderer Großmächte zu fahren, solange dies seinen Möglichkeiten und Interessen entspricht, und sich auf seine unmittelbare Einflusszone und seine Rolle als globale Energiemacht konzentrieren. [Die Zeit, 21.04.2009, Nr. 34]/ Сегодняшняя Россия напротив как обновлённая великая держава будет пытаться действовать под прикрытием других великих держав, пока это соответствует её возможностям и интересам и сконцентрируется на своей непосредственной сфере влияния и своей роли глобальной энергетической силы.

Сопоставительный анализ выявляет общие черты в вышеописанных средствах экспликации языковых образов России и Германии: коррелирующими считаем такие группы, как *ведущие государства, «тяжеловесы» – Großmächte/ великие державы, Supermächte/ сверхдержавы*. Отличительной особенностью является соотнесение Германии в русском языковом сознании с Европой (*ведущие страны Европы, старые европейцы, лидеры континентальной Европы, представители «старой Европы»*), в то время как в немецком языковом сознании Россия предстаёт в мировых масштабах (*Weltmacht/ мировая держава*). Противоположными считаем характеристики *старый европеец, представитель «старой Европы»* (Германия) и *обновлённая великая держава* (Россия): в русском языковом сознании Германия – старая, в немецком языковом сознании Россия – новая. Объяснение вышеописанным сходствам и отличиям лежит, по нашему мнению, в экстралингвистической плоскости.

Сопоставляя языковые образы Германии и России на материале русского и немецкого языков, мы не ставили себе цели дать в настоящей статье комплексную характеристику лингвоимиджей указанных стран или выявить все языковые особенности взаимовосприятия. Привлечение более широкого спектра контекстов, расширение их хронологических рамок даст возможность точнее отследить языковые тенденции в указанном направлении, а сопоставление автостереотипных и гетеростереотипных представлений в обоих языках – дать целостное описание взаимно воспринимаемых языковых образов. Подключение экстралингвистического фона, а также достижений в области истории, этнографии, социологии и этнопсихологии, связанных с проблемами межнационального взаимовосприятия, поможет объяснить языковые закономерности. Наш фрагмент исследования демонстрирует возможности подхода, а полученные результаты – важность дальнейшей разработки импиджологического направления в языкознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайнштейн Г. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации / Г. Вайнштейн // Неприкосновенный запас – 2007. – № 51.
2. Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность/ В.Ф. Шаповалов // Общественные науки и современность – 2000. – №1. – С. 51–67.

3. Чугунов Д.А. Образ России в современно немецкой литературе / Д.А. Чугунов // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки» – 2004. – № 2. – С. 229–247.
4. Орехов В.В. Русская литература и национальный имидж (Имагологический дискурс в русско-французском литературном диалоге). / Владимир Викторович Орехов. – Симферополь: АнтикВА, 2006. – 608 с.
5. Ощепков А.Р. Имагология / А.Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253
6. Крысин Л.П. Лингвистический аспект изучения этностереотипов (постановка проблемы) / Леонид Петрович Крысин // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). – М.: Наука, 2002. – С. 171–175.
7. Маруневич О.В. Концепт «иностранец»: лингвокогнитивный и аксиологический аспекты (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Оксана Викторовна Маруневич. – Таганрог, 2010. – 220 с.
8. Булгакова О.В. Лингвистическое моделирование имиджа в экономическом издании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Владиславовна Булгакова – Томск, 2009. – 200 с.
9. Гаспаров Б.М. Языковой образ / Борис Михайлович Гаспаров. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М: Новое литературное обозрение, 1996. – С. 246–293.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/index.html>
11. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS) [Elektronische Ressource]: <http://www.dwds.de>

УДК 81-119

*Кудряцева Н.С.
(Херсон, Україна)*

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНІ ПЕРЕДУМОВИ ФОРМУВАННЯ ПОНЯТТЯ ЛІНГВОФІЛОСОФСЬКОЇ КАРТИНИ СВІТУ

Стаття висвітлює засновки формування поняття лінгвофілософської картини світу на перетині усталених у когнітивній лінгвістиці уявлень про наукову та мовну картини світу. Поняття лінгвофілософської картини світу постає результатом дослідження аргументу Б.Л. Уорфа про лінгвістичну обумовленість філософських концепцій.

Ключові слова: *об'єктивна дійсність, картина світу, наукова картина світу, мовна картина світу, лінгвофілософська картина світу, лінгвістичне конструювання реальності.*

Стаття освітає передумови формування поняття лінгвофілософської картини світу на пересеченні устоявшихся в когнітивній лінгвістиці представлений о науочной и языковой картинах мира. Понятие лінгвофілософської картини світу виникає